

УДК 82-312.2

В. В. Унгуриян,

филологический факультет,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. А. В. Подворная

Образ праведницы в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети»

Аннотация. В статье анализируется образ Медеи Мендес из романа Людмилы Улицкой «Медея и ее дети». Значительное внимание уделяется выявлению античных аллюзий в образе героини. Показывается, что в образе героини-праведницы соединены главные античные и христианские добродетели.

Ключевые слова: праведник, Медея, мифология, Улицкая, образ, интерпретация.

Особый образ героя-праведника сложился в литературе Древней Руси: в житиях («Житие Бориса и Глеба», «Житие Сергия Радонежского»), в летописях («Повесть временных лет»), хождениях и т. д. В агиографических произведениях придерживались строгого канона при описании человека, живущего праведной жизнью: он был бесспорным примером для всех христиан, в основе лежал принцип уподобления высшему сакральному образу — Христу.

В XIX в. в русской литературе продолжается традиция изображения героев-праведников, но теперь она усложняется. Трактовка и смысловое наполнение понятия «праведничество» расширяется, появляются новые типы героев-праведников. Ярко они представлены в творчестве Ф. М. Достоевского, в цикле произведений Н. С. Лескова, который так и называется — «Праведники», в рассказе И. С. Тургенева «Живые мощи» и т. д.

В XX в., во времена советской власти, эта традиция насильственно прерывается, но интерес к теме не угасает. Появляются другие праведники: Юшка у А. П. Платонова и Матрена у А. И. Солженицына, а в середине 1990-х Л. Улицкая публикует роман «Медея и ее дети», где образ героя-праведника находит свое продолжение.

В романе Л. Улицкой «Медея и ее дети» [6] описывается жизнь и взаимоотношения нескольких поколений одной семьи на протяжении почти 80 лет. Главная героиня — пожилая бездетная Медея Мендес — живет в уютном доме на теплом крымском побережье и летом принимает многочисленных родственников. Они делятся с хозяйкой новостями, радостями и горестями, мечтами и разочарованиями. Медея занимает роль наблюдателя: никого не

осуждает, но остро переживает трагические семейные истории.

Имя главной героини отсылает нас к древнегреческому мифу о Мееде и Ясоне, а также его литературным воплощениям. Античный сюжет неоднократно повторяется в мировой литературе. Его брали за основу такие авторы, как Еврипид, Сенека, Корнель, Жан Ануй и др. Они переосмыслили образ Медеи, интерпретировали его так, чтобы он соответствовал духу времени. Можно заметить, как непохожи эти Медеи — они отличаются друг от друга судьбами, чертами характера, поведением. Медея Улицкой не исключение. Сама писательница отмечала в одном из предисловий: «Это вывернутый наизнанку миф о неистовой колхидской царевне Мееде, это роман не о страсти, а о тихой любви, не об огненной мести, а о великодушии и милосердии, которые совершаются в тех же самых декорациях на крымском берегу...» [5, с. 1318] Некоторые исследователи называют главную героиню «анти-Меедой» [1, с. 133; 3, с. 70]. Однако есть у двух героинь и общие черты.

Неслучайно в романе неоднократно подчеркивается «чистопородность» Медеи Мендес-Синопли. Она последняя чистокровная гречанка в семье, живущая «на родственных Элладе таврических берегах» [6, с. 5]. Этот мотив служит прямым указанием на важность античной традиции в построении образа у Улицкой.

Роднит обеих Медей и умение «колдовать», врачевать. В античности Меедо изображают волшебницей. У Людмилы Улицкой это умение переходит в бытовой навык. Медея Мендес видит в темноте, находит драгоценные камни, имеет дар врачевания, при этом работает фельдшером и обладает «всеведением».

Мотив предательства также включается в роман, но осмысливается по-иному. Медея Мендес способна пережить неверность мужа и обман сестры благодаря таким качествам, как любовь к ближнему, умение прощать, терпимость к судьбе.

Но главное отличие Медеи Мендес в том, что она была центром семьи, а ее дом стал символом семейного счастья, где каждый мог найти покой. Герои произведения сравнивают его с храмом: внутри него человек чувствует себя защищенным, неприкосновенным. Родственники приезжают в это место как на поклонение, привозя дары. В этом контексте дом Медеи приобретает символическое значение. Он становится сакральным местом, которое спасает и очищает семью Синопли.

Дом Медеи предстает в романе особым пространством, которое не подвластно историческим и политическим изменениям. Родственникам Медеи предоставляется возможность отказаться от социальных и профессиональных ролей, т. е. в пространстве дома Медеи они исключительно родители, дети, братья, сестры, любовники. Герои выполняют «основные природные действия»: общаются, любят, отдыхают, готовят еду, — в общем, находятся в идиллическом мире.

Одна из важнейших черт Медеи — живая вера. Все слова священника Медея знала наизусть, упоенно молилась: «Это был всегдашний ее разговор с Богом, смесь вытвержденных молитв и ее собственного голоса, живого и благородного...» [6, с. 232] Важно то, что она обращается к Богу не с просьбами, а с благодарностью. Медея считала, что духовная жизнь не исчерпывается отношениями с церковью. Медея Улицкой предстает носителем главных христианских добродетелей: милосердие, любовь к ближнему, терпение, кротость и т. д.

Но Медея XX в. воплощает в себе и главные античные добродетели. С давних пор идеалом грека была «аретэ». Исследователь Л. Винничук отмечает,

что в этом понятии, по мнению Платона, объединены такие качества, как мудрость, мужество, благоразумие, справедливость [2]. Медее Улицкой присущи все эти качества. Она помогает другим женщинам и лечит бесплодие, таким образом восстанавливая справедливость. Воспитывая братьев, сестер и их детей, Медея передает им свою мудрость. Своему мужу Самуилу она дарит смелость: он чувствует, что рядом с ней «нет страха», а когда он предает ее, Медея не держит обиду и прощает его за измену, проявляя тем самым свое благоразумие.

Праведность главной героини заключается в сохранении рода Синопли и передаче семейных ценностей другим поколениям. Она творит семейный мир в условиях социального хаоса, антисемейной политической системы, дегуманизации общества.

Итак, в образе Медеи Мендес сложное единство прошлого и настоящего. Медея наделена качествами, традиционно приписываемыми герою-праведнику: открытость миру, способность любить и сострадать, «укорененность человека в близкой реальности», «пребывание в мире аксиом и непререкаемых истин» [8, с. 153]. Исследователь А. Е. Нямуц пишет, что благодаря такому взаимодействию «национальная литература становится органической частью общечеловеческого континуума... впитывает чужое и одновременно обогащает свою национальную духовность» [4, с. 6].

Таким образом, в романе «Медея и ее дети» имя героини, отсылающее к античному мифу, служит указанием на вневременность мифа, его универсальность, созвучность главной теме романа — семейной. Л. Улицкая писала: «Семья — основа всего, но семейное начало постоянно вытравлялось, навязывалась идея, что общественное выше личного. И мой роман “Медея” — а это книга, посвященная старшему поколению, — это в некотором смысле мой вопль о семье» [7, с. 183]. Автор творит новый миф о Медее другой культуры и другого времени, близкий современным читателям.

1. Бабич Ю. В. Реинтерпретация античного мифа в структуре романа Л. Улицкой «Медея и ее дети» // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Сер. : Літературознавство. — 2011. — № 2 (1). — С. 133–137.

2. Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. — М. : Высшая школа, 1988. — 496 с.

3. Ивлиева П. Д. Сюжет о Медее в романах Л. Улицкой «Медея и ее дети» и К. Вольф «Медея. Голоса» // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2012. — № 1 (2). — С. 68–72.

4. Нямуц А. Е. Поэтика традиционных сюжетов : учеб. пособие. — Киев : Учеб.-метод. кабинет по высшему образованию, 1999. — 81 с.

5. Скокова Т. А. Интертекстуальность как способ создания образа главной героини в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети» // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. — 2009. — Т. 11, № 4 (5). — С. 1315–1319.

6. Улицкая Л. Медея и ее дети. — М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 352 с.

7. Федосеева Т. В. Образ Медеи в античной литературе и в романе Людмилы Улицкой «Медея и ее дети» // Науч. тр. кафедры рус. лит-ры Белорус. гос. ун-та. — Минск : Республ. ин-т высш. шк. Белорус. гос. ун-та, 2006. — Вып. IV. — С. 169–183.

8. Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. — М. : Гнозис, 2005. — 432 с.